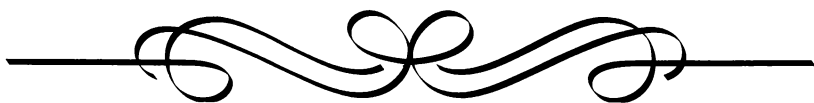

Глава IV

*Эпоха
Алексея Адашева*

Теперь Иван стал венчанным царем и женатым человеком. Но ему было всего семнадцать лет, однако необходимо было упрочить свой авторитет государя и навязать свою волю боярскому окружению. Интересно сравнить подход к власти юного Ивана с поведением правившего почти одновременно с ним, но рано умершего короля Эдуарда VI Английского. Эдуарду было всего девять лет, когда он вззошел на престол, и его окружали всемогущие родственники: его дядя, герцог Сомерсет, и другой дядя, лорд-адмирал Томас Сеймур. Однако интриги в среде английских «бояр» привели сначала к казни лорда-адмирала, а затем, после победы Дадли, будущего герцога Нортумберлендского, к устранению герцога Сомерсета. Возможно, Эдуард был привязан к одному или обоим своим дядьям, но похоже, что он безропотно подписал их смертные приговоры. И за ним также стоял влиятельный прелат Кранмер, как и Макарий за Иваном¹.

Трудно поверить, чтобы Иван помышлял о программе реформ или представлял свою роль как исполнителя божественных предначертаний, тем более что по воспитанию он не очень-то хорошо был подготовлен к царствованию. К тому же оставалось неясным, какие жизненные перспективы открывались перед ним и насколько самостоятельно он был способен в таком юном возрасте действовать, не

опираясь на советы бояр. Мы не собираемся уподобляться некоторым русским советским историкам периода между 20-ми и 70-ми годами XX века, которые рассматривали деятельность царя в рамках *закономерностей* («порядка вещей», или в данном случае «исторической необходимости»), навязываемых ему законами истории. Речь шла о неотвратимом движении исторического прогресса, направляемого классовой борьбой к предопределенному завершению, установлению русского абсолютизма в качестве прогрессивного учреждения, преодолевающего феодальную раздробленность. Другие ученые, однако, полагали, что помехами в правлении для семнадцатилетнего Ивана служили его невежество, преклонение перед авторитетом бояр и незрелость, не позволявшая ему сосредоточиться на государственных делах, вместо того чтобы показывать свою удаль на улицах и донимать ни в чем не повинных обывателей. А то, что ему было хорошо известно, а именно — отношение людей друг к другу и к нему самому, могло возбуждать в нем страх, подозрения, недоверие, замкнутость и жестокость.

Среди его взрослого окружения и родни, насколько нам известно, не было никого, кто заслуживал бы его уважение, кому он мог бы подражать и к кому мог быть привязан (за исключением, может быть, Макария, Алексея Адашева и брата Юрия). Однако в глубине души Иван понимал, что последнее слово за ним и что он свободен в своих поступках.

Карамзин, который в отличие от большинства русских историков рассматривает Ивана главным образом как человеческую личность, хотя и порочную, в этом возрасте видит в нем распущенного подростка, предающегося праздности, шумным увеселениям и пользующегося царской властью для того, чтобы карать и миловать по своей прихоти. Он был высок, хорошо сложен, силен физически и обладал легкой походкой, «аки пардус». Во всем он был подобен своему деду, великому князю Ивану III². Но политическая власть была в руках его дядей Глинских, и того, кто посмел бы пожаловаться на них царю, ничего хорошего не ожидало. Весной 1547 года семьдесят пять жителей Пскова прибыли в Москву, чтобы подать жалобу на городского наместника. Царь не стал их слушать и вне себя от ярости вылил на них кипящее вино, подпалил их волосы и бороды и велел раздеть их и бросить наземь. Просители думали, что пришел их последний час, но в этот момент упал великий

московский колокол, и царь, отвлеченный происшествием, забыл о своих жертвах. Вывод из этой печальной истории заключается в том, что ни брак, ни царское звание не научили Ивана сдерживать свои дикие порывы, которые уже в этом нежном возрасте делали его неуправляемым. Трудно сказать, чувствовал ли он, что любые советы, идущие вразрез с его собственными намерениями, ограничивают его власть, освященную во время коронации, но непредсказуемость его поступков была уже очевидной. Следующий урок, усвоенный Иваном, заключался в том, что он не властен управлять людьми.

Лето 1547 года было очень жарким, и в столице начались пожары. Огонь всегда представлял главную опасность для этого большого деревянного города, и достаточно было одной искры, чтобы поджечь его. К 24 июня Москва была охвачена пламенем. Огонь пробрался в Кремль, уничтожил запасы имущества и продовольствия; склады пороха, хранившегося в некоторых башнях, взлетели на воздух. Многие административные здания и документы превратились в пепел, а митрополит Макарий чуть не лишился жизни и получил тяжелые ушибы во время попытки эвакуировать его из Успенского собора через нишу в кремлевской стене, а потом спустить на веревке в Москву-реку. По-видимому, он так окончательно и не оправился от этого потрясения. Его доставили в безопасное место за монастырскими стенами, куда прибыли также Иван с боярами, чтобы устроить заседание Думы у его изголовья³. При пожаре погибли от 2700 до 3700 человек (не считая детей), 80 000 лишились крова. Сам Иван и его вельможи укрылись за пределами города, в царском охотничьем доме на Воробьевых горах⁴.

Катастрофа, возможно, была использована (а может, даже и спланирована) противниками семьи Глинских, в первую очередь Захарьиными, родственниками новой царицы, не входившими в число княжеских фамилий. Они, вероятно, пытались удалить Глинских от власти, вызвав народные волнения, направленные против них. Дядя Ивана, князь Юрий Васильевич Глинский, укрывшийся в Успенском соборе Кремля, был убит толпой, забросавшей его камнями на глазах митрополита Макария, служившего утреню. Это было, помимо всего прочего, святотатством⁵. Затем бунтовщики обратились против бояр и челяди Юрия Глинского. Царь назначил комиссию для розыска виновных в предполагаемом поджоге. Когда представители властей стали расспрашивать народ, кто, по его мнению, был ответствен за пожары, распространился

слух, что их причиной послужило колдовство и главной колдуньей является старая княгиня Анна Глинская, Иванова бабка, которая якобы вырывала сердца у покойников, вымачивала их в воде и разбрызгивала эту воду на московских улицах.

Власти прибегли к суровым мерам: подозреваемые в распространении слухов были подвергнуты пыткам, обезглавлены, посажены на кол или брошены в огонь⁶.

26 июня толпа, возможно, подстрекаемая тайными организаторами, двинулась на Воробьевы горы, где Иван со своей семьей нашел пристанище, и потребовала выдачи княгини Анны, ее детей и слуг⁷. Однако на сей раз Иван, его бояре и находившаяся при них охрана сумели подавить мятеж⁸.

Советские историки пролили немало чернил, пытаясь привязать этот народный бунт к отдельным социальным группам или личностям бояр, в частности, представить его как восстание служилой знати против произвола бояр и попрания их собственных прав на землю, прежде всего при разбирательствах в провинциальных судах, где заправляли бояре. Говорили также о восстании народа в целом против служилой знати ради защиты своих классовых интересов. Сегодняшние историки отвергают подобные трактовки как надуманные и рассматривают этот взрыв насилия как обычный бунт, вспыхнувший под действием стихийного бедствия и толков о колдовстве. Эта вспышка недовольства не имела никакого отношения к балансу сил при дворе между боярской аристократией и служилой знатью и никак не отражала конфликт интересов бояр, якобы выступавших на стороне «реакционной» децентрализации, и служилой знати, сторонников централизации и «прогрессивного» усиления абсолютной царской власти. Однако волнения привели к новому витку борьбы между боярскими и княжескими кланами за влияние при дворе независимо от их политической ориентации.

Возникает вопрос: как повлияли эти события на юного Ивана? Ему пришлось столкнуться с устрашающим зрелищем толпы, требующей выдать его бабку для расправы, и с гибелью его дяди от рук разъяренного народа, а также с угрозой последнего его власти. Историки, пишущие о Петре I, часто подчеркивают психологический эффект, который возымела на десятилетнего Петра в 1682 году ужасная смерть престарелого сановника А.С. Матвеева от рук стрельцов в Москве. Это событие могло быть причиной нервного тика, от которого царь впоследствии страдал,

а также привить ему вкус к жестоким зрелищам. Иван IV в неменьшей степени проявлял впоследствии неуравновешенность и жестокость в обращении с себе подобными. Он испытал страх и, возможно, негодование от ощущения собственного бессилия перед беснующейся толпой, которую, как он мог предполагать, направляла невидимая рука. Этот эпизод в данном случае должен был способствовать развитию начинающейся паранойи. В обращении к Церковному собору, заседавшему через четыре года, в 1551 году, Иван вернулся к этим событиям и описал свою реакцию на угрозу со стороны толпы: *«Убо вниде страх в душу мою и трепет в кости мои»*⁹.

В письме к князю А.М. Курбскому, датированном 1564 годом, семнадцать лет спустя, Иван описывает эти происшествия еще более красочно, усматривая в них покушение на свою собственную жизнь при попытке добиться выдачи его бабки¹⁰. Как бы то ни было, мятеж положил конец могуществу Глинских. Оставшийся в живых последний из братьев, Михаил Васильевич, попытался бежать в Литву, был схвачен, арестован, а затем прощен, но лишился поста конюшего, который он занимал короткое время. Победителями в этой схватке за власть вышли представители не княжеского рода Юрьевых-Захарьиных-Романовых, родичи царицы Анастасии, двое из которых получили высокие титулы: брат царицы Данила Романович — сан боярина, а ее двоюродный брат Василий Михайлович — окольничего.

Нам ничего не остается, как обратиться к последующим событиям в описании историка Карамзина, который вскрывает их смысл, наделяя драматическими чертами: *«В сие ужасное время ... явился там какой-то удивительный муж, именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новогорода; приблизился к Иоанну с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою царя легкомысленного и злострастного; что огонь небесный испепелил Москву; что сила вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму царей земных»*.

Страстные проповеди Сильвестра склонили юного царя к желанию исполнить эти божественные предписания, оставили след в его душе и сердце, воспламенили его воображение и произвели чудо: Иван стал другим человеком и просил Сильвестра помочь ему¹¹. Но, как мы увидим, дело обстояло не так просто¹².

В России, очевидно, имелось правительство в том смысле, что определенным людям было поручено принятие и исполнение решений, затрагивающих военные, правовые, финансовые и политические интересы страны. Сколько времени и внимания уделял этим проблемам в этот период сам Иван, сказать трудно. Общее руководство и управление были сосредоточены при дворе и исходили отсюда, но эта система, которая развилась с течением времени, еще носила явный отпечаток своего удельного происхождения. Когда удельные или зависимые княжества переходили под власть Москвы, они не могли включаться в единую административную систему, поскольку ее не существовало. Каждая административная единица (если речь не шла об уделе, предназначенном для перехода в руки члена царского дома) в Москве образовывала *дворец* во главе с *дворецким* (мажордомом), обычно имевшим чин окольничего, который выполнял административные функции, перешедшие к центру. Каждый из этих многочисленных дворцов управлял определенной территорией: Тверью, Рязанью, Угличем, Дмитровом, Нижним Новгородом, позднее Казанью и многими другими¹³. Но были и князья, сохранявшие некоторые атрибуты суверенитета, в частности, имевшие собственных бояр, служилую знать, войско, свиту и обширные земельные владения. Например, князь И.Ф. Мстиславский, располагавший двумя крепостями на юге, фактически государством в миниатюре. В одном уезде ему принадлежало 524 крестьянских хозяйства, в другом — более тысячи, и в обоих он держал казаков и стрельцов¹⁴.

Вишневецкие и Бельские также обладали небольшими государствами, как и князья Верхней Оки, в том числе Воротынские, Одоевские и Трубецкие, или как представители сплоченных групп отдельных «линьжей»¹⁵.

К последним принадлежали Шуйские, князья Шуи под Суздалем, которые образовали мощный, тесно связанный клан, спаянный сознанием своего права на участие в управлении государством вместе с монархом благодаря происхождению от брата Александра Невского Андрея¹⁶.

Административные структуры, функционирующие отдельно от механизма принятия политических решений, начали формироваться в шестнадцатом веке в ответ на всевозрастающие потребности управления государством, раздвигающим свои границы. Однако их отличительной чертой была присущая русскому обществу и его властной организации система круговой поруки и коллективной ответственности. В

той или иной форме она, вероятно, существовала в большинстве европейских стран, да и неевропейских тоже. В Англии было известно такое понятие, как «круговая порука», то есть ответственность индивида за действия группы и всей группы за поступки индивида¹⁷. Эта система характерна для организации власти в тех случаях, когда государственный аппарат не развит и у правительства в распоряжении слишком мало административных средств. Препоручая властные функции социальным группам вплоть до самых низших и наделяя все группы на всех уровнях ответственностью за выполнение их долга, центральная власть снимает с себя все обязательства, не обременяя затратами финансовых и людских ресурсов. Круговая порука в России также затрагивала местные коллективы, которые должны были доставлять преступников в суд, где рассматривали их дела, за нарушителей закона отвечали их семьи или давал поручительство княжеский род, гарантировавший, что никто из его членов не изменит царской присяге и не убежит в Литву.

По мере того как государство в Западной Европе усиливалось, оно избавлялось от коллективной поруки и индивид сам принимал на себя ответственность за свои поступки, постепенно отделяясь от группы¹⁸.

Но в России шестнадцатого века коллективная ответственность была необходимой для выполнения правительственных задач на всех уровнях, и такое положение сохранилось и в семнадцатом веке¹⁹. Серьезные изменения начались только в восемнадцатом веке, но и тогда круговая порука продолжала действовать во многих сферах жизни.

Механизм круговой поруки в правление Василия III и Ивана IV был подробно изучен применительно к аристократии благодаря наличию сохранившихся письменных источников. Хотя индивид мог подвергнуться обвинению за поступки, совершенные кем-то помимо его воли, он оказывался одновременно до некоторой степени защищенным благодаря принадлежности к коллективу, разделявшему с ним административную ответственность. Но так как он отвечал за свой род и за свою поручительскую группу, он был крайне заинтересован в предотвращении случаев измены, которые могли отразиться и на его положении. Этим объясняются многочисленные упоминания иностранцев о традициях доносительства на Руси, недвусмысленно прослеживающихся в практике политической поруки.

В обязательствах, подписываемых представителями аристократии, значилось, что они будут служить великому князю и его сыновьям «и

передавать им все благоприятные или неблагоприятные суждения о великом князе и его сыновьях, кем бы они ни были высказаны»²⁰.

Таким образом, плотность внутренней структуры русского общества оставалась гораздо более высокой, чем в других европейских странах, хотя круговая порука имела, вероятно, общее для них норманнское происхождение.

Вельможи и должностные лица, входившие в правительство и составлявшие администрацию, были частью двора, причем придворные чины имели строгую иерархию. Высший ранг при дворе, присуждавшийся царем и получаемый очень немногими, составляли *слуги*. Это звание не было наследственным и присваивалось в основном выдающимся военачальникам²¹. Титулом боярина также наделял царь, его носители, обычно представители высшей знати, выходцы из княжеских или старых аристократических семейств, входивших в Думу, получали высшие командные должности во время войны и доходы от городов или провинций в награду за свои прежние или настоящие заслуги (кормление). (Однако не все бояре были членами Думы.) Окольничие часто выполняли функции дворецких в центральных московских приказах провинций. Думные дворяне появились позднее, когда этот чин был окончательно сформирован в 50-е годы XVI века. Они могли иметь благородное происхождение или даже не обладать земельными владениями, и от них началось образование будущей бюрократии. Как бы то ни было, в XVI веке количество дьяков²² и подчиненных им приказных постоянно росло, так что развитие бюрократического аппарата в России не так уж отличалось от аналогичного процесса во Франции, за исключением того, что корона не нуждалась в продаже должностей, поскольку могла рассчитывать на службу со стороны общества. Но при увеличении числа приказов, имеющих дело с конкретными территориями или сферами администрации, такими, как казна или вооруженные силы, количество постоянных должностных лиц неизбежно возрастало. Дьяки, составлявшие главное звено администрации и управлявшие различными приказами, то есть канцеляриями, имели в своем распоряжении подчиненный им штат конторских служащих. Сами по себе дьяки могли иметь благородное происхождение и даже земельные владения²³. Самые известные дьяки шестнадцатого века, Иван Михайлович Висковатый и братья Щелкаловы, были выходцами из помещичьих фамилий. Если бы Петр I в восемнадцатом веке не

привязал владение землей к благородному происхождению, в России вполне могло сформироваться *дворянство мантии* по французскому, испанскому и английскому образцу²⁴.

Стряпчие, или особые служители, хранители казны, или *казначей*, *печатники*, отвечавшие за прикладывание печатей, младшие приказные, или *подьячие*, также входили в состав двора, но с самого начала отождествлялись с администрацией. Обладатели придворных должностей могли получать более высокие звания, однако понятия «аноблирование*» не существовало, так как не существовало правового определения статуса знатности. Имелись воинские звания, но не было ни рыцарей, ни оруженосцев, ни гербов, ни кодекса рыцарского поведения, ни турниров (только кулачные бои), ни военных орденов — светских или духовных, и единственной женщиной, являвшейся предметом поклонения, была Богоматерь.

Недостаточное распространение принципа наследования от отца к сыну, в отличие от куда более известной практики передачи имущества от старшего брата к младшему, в совокупности с делимостью земельного наследства ослабляло позиции аристократической элиты²⁵.

Люди, занимавшие высшие военные посты или добившиеся их в качестве командиров гарнизонов пограничных городов, а также комендантов, отвечающих за общественный порядок, сбор налогов и отправление правосудия, после ликвидации уделов не могли сделать свои должности наследственными и закрепить свое положение на месте путем расширения своих «связей», как в Англии, или становясь полунезависимыми герцогами, графами и баронами, как во Франции или Германии. Отсюда развитие местничества как средства упрочить свой статус.

Карьера Алексея Адашева может служить иллюстрацией преимуществ и подводных камней придворной службы. Адашев происходил из зажиточной дворянской семьи в Костроме, еще не достигшей боярского звания, но пользовавшейся большим авторитетом. Его отец Федор в 1538 — 1539 годах находился в Османской Порте с государственной миссией; Алексей сопровождал его и остался там еще на год (1539 — 1540) по слабости здоровья²⁶. Таким образом, у Алексея было больше возможностей изучить гражданские и военные порядки османов, чем у

* Процесс пополнения рядов знати выходцами из простолюдинов.

Ивана Пересветова, о котором подробнее будет сказано ниже. Его отец получил чин окольничего в 1547 году и боярина — в 1553-м. Насколько мы можем судить о биографии Алексея, он начал свою службу при дворе как доверенный личный телохранитель и рында Ивана или как стряпчий, то есть придворный служитель. Была ли эта должность более значимой, чем должность рынды, неизвестно²⁷. Возможно, Адашевы благодаря бракам имели родственные связи с семьей царицы Анастасии, Захарьиными-Юрьевыми, чем могло объясняться продвижение Алексея при дворе²⁸: владения Адашевых в Костроме располагались неподалеку от имений Захарьиных-Юрьевых.

С.О. Шмидт объясняет дальнейшие успехи Алексея Адашева его близостью как к боярам, так и к рядовой служилой знати, то есть его политическим положением посредника между обеими социальными группами. Однако гораздо более вероятно, что этот относительно молодой человек достиг высокого положения благодаря своей роли любимого личного слуги Ивана.

В позднейшей летописи семнадцатого столетия говорится, что по возвращении отца Алексея Федора из Константинополя царь оказывал ему великую милость и, когда через год Алексей тоже вернулся из Порты, он попал в ближайшее окружение царя, в котором оставался на протяжении многих лет, вплоть до учреждения опричнины²⁹.

Он был в числе тысячи особо назначенных стражей, получивших в 1550 году земли в окрестностях Москвы и входивших в состав личного воинского контингента Ивана, несших службу в порядке очередности. Алексею принадлежало большое имение — село Борисоглебское в Костроме, и, возможно земли где-то еще³⁰. Сам Иван в своих яростных изобличениях 1564 года восклицает, что в молодые дни он поднял Адашева из грязи³¹, сам не зная как. Однако нет сомнений в близости Адашева к царю не позднее 1547 года, когда он вместе со своим братом Даниилом упоминается в списке присутствовавших на свадьбе Ивана в качестве приближенных к ложу, в официальном звании спальника (этот чин относится к службе при спальне, но он немного ниже постельничего)³².

Обе должности, спальника и постельничего, предусматривают службу при спальне государя, и в России (так же, как и в Англии или во Франции) дворяне, служившие при спальне, располагали счастливой возможностью воспользоваться физической близостью к правителю, чтобы приобрести влияние или получить новый чин³³.

Близость Адашева к Ивану подтверждается также его участием вместе с женой в свадьбе брата Ивана Юрия 3 ноября 1547 года и в свадьбе князя Владимира Старицкого 31 мая 1550 года. В 1548 году отец и сын Адашевы занимали столь высокое положение при дворе, что упоминаются в перечне лиц, получивших подарки к Рождеству от игумена Троицкого монастыря, хотя Алексей занимает в нем тридцать пятое место. Отметим, что священник Сильвестр подарка не получил³⁴.

Первым заметным признаком нового курса, вдохновляемого нравственным авторитетом Сильвестра, стал созыв осенью 1549 года совещания, названного историками «собором примирения». Нельзя сказать, что это собрание представляло собой зачаточную форму представительного политического учреждения, так как, по имеющимся сведениям, его участники не избирались, сколько их было, неизвестно, и они не обсуждали никаких вопросов, представлявших общественный интерес; их задачей было только слушать. Совещание было созвано для умиротворения общества. Однако перемены при дворе указывали на то, что царь придерживается новой политической линии и прислушивается к новым советникам.

Промежуток приблизительно между 1549 и 1560 годами в русской историографии определяется как период так называемой *Избранной рады*, или «правления Сильвестра и Адашева». Священник Сильвестр, карамзинский герой, который, согласно гораздо более поздним летописным известиям, так повлиял на Ивана, и, согласно собственному письму последнего к князю Курбскому³⁵, так помыкал им, не был царским исповедником. Ранний отрезок его биографии вызывает много споров: некоторые историки считают его последователем Макария и соответственно иосифлян, а другие причисляют его к сторонникам нестяжателей³⁶. Дата его переезда из Новгорода в Москву не установлена, но в 1545–1546 годах он упоминается в качестве священника Благовещенского собора в Кремле. Сильвестр был опытным переписчиком и торговцем рукописями, по всей видимости, в Новгороде у них с сыном Анфимом была мастерская с вольнонаемными работниками. Он был причтен к собору для обучения переписчиков. Сильвестр был также умелым иконописцем. Иконопись представляла собой не просто ремесло, занятия ею требовали богословского понимания традиционных способов изображения святых и апостолов, не говоря уже о Христе и Деве Марии, в соответствии с церковными канонами.

Сильвестр был довольно образованным человеком, он знал греческий, возможно, латынь, имел небольшую библиотеку и не старался продвинуться по церковной лестнице. Некоторые историки предполагали, что он был узколобым фанатиком, другие останавливаются на том, что о его собственных убеждениях нам мало что известно (хотя он, возможно, был преуспевающим предпринимателем). Как это слишком часто бывает применительно к Руси шестнадцатого века, получить четкое представление о том или ином лице нелегко, особенно если речь идет о человеке, не имевшем определенной должности при дворе. Отдельные историки, ссылаясь на одно из писем 1553 года, говорят о близости Сильвестра к клану Шуйских, в частности, к князю А.Б. Горбатову-Шуйскому. А по мнению А.А. Зимина, основанному на очень зыбких доводах, Сильвестр был также связан с князем Владимиром Андреевичем Старицким и его матерью княгиней Ефросиньей³⁷. Кое-кто из историков приписывает ему авторство такого важного сочинения, как «Послания к Ивану Васильевичу», сохранившегося в рукописном сборнике шестнадцатого века, принадлежавшем Сильвестру. Языком, напоминающим вышеупомянутые духовные увещания, Сильвестр пытается утратить царя ссылками на судьбу, постигшую дурных правителей, таких, как Навуходоносор, который шесть лет, пока он не покался, разделял судьбу неразумной скотины, пасущейся на лугу, или Манассия, царь Иудеи, кровожадный идолопоклонник, попавший за свои многочисленные грехи в плен к ассирийцам, но позднее покавшийся и ставший мудрым царем в Иерусалиме³⁸. Сильвестр грозит Ивану всемирным потопом, разрушением Содома и пожаром в Москве 1547 года, которые являют собой наказание дурным правителям, особенно тем, кто запятнал себя содомией.

Больше сомнений вызывает приписываемое Сильвестру авторство «Домостроя», книги, посвященной ведению домашнего хозяйства, распространение которой началось в середине шестнадцатого века, хотя отдельные разделы сохранившегося текста относятся к последующему столетию. Предметом книги является управление зажиточным домом, рассматриваемое с мужской точки зрения, возможно, с точки зрения священника или высокопоставленного чиновника, по всей вероятности, грамотного человека. Помимо подробных и сутубо практических указаний по руководству подневольными крестьянами и слугами, хранению добра, варке меда, приготовлению пищи и сла-

достей, в «Домострое» говорится о религиозных обязанностях жены, которая должна во всем подчиняться своему мужу. Именно эта книга стала одним из источников мифа о всеобщей и преобладающей распространенности на Руси исключительно суровых телесных наказаний³⁹. Хозяйка должна бить слугу, если он ее не слушает, но если она, в свою очередь, не исполняет своего долга, ее мужу следует *«бить ее, когда они останутся наедине; но затем простить и научить ее. Но наказывать следует без злобы, не теряя контроля. Муж не должен сердиться на свою жену; жена должна жить с мужем в любви и чистоте сердца»*. Равным образом, поучая слуг, нужно бить их, но затем прощать, жена должна *«сокрушаться при наказании своего слуги, в меру разумения, ибо это дает слугам надежду»**. Далее автор советует не драть людей за уши, не бить по глазам или в область сердца. Эти наставления, наверное, более достойные того, чтобы их нарушали, нежели им следовали, по общему тону и контексту вполне совпадают с такими же учебниками хороших манер и домоводства, которые в то время были повсеместно распространены в Европе⁴⁰.

Неодолимая сила Сильвестрова красноречия и, вероятно, угрозы вечным проклятием, к которым он прибегал, по всей видимости, оказали безусловное нравственное и духовное воздействие на царя и стали причиной драматических сцен его публичного покаяния в многочисленных персональных и политических злодеяниях. Сильвестр, видимо, был сильной личностью и мог оказывать существенное влияние на поведение и мысли Ивана, что вызвало в свое время негодование царя. Годы возвышения священника почти не отмечены следами распутства или пьянства при дворе, и даже врожденную жестокость Ивана как будто бы удавалось умерять. Несмотря на ряд серьезных политических кризисов, на период между 1549 и 1559 годами приходится совсем немного казней придворных вельмож и родственников царя⁴¹. В летописях это десятилетие предстает относительно спокойным с точки зрения внутренних событий, быть может, потому, что Иван тратил большую часть своего досуга на войны и законотворческую деятельность.

* Текст «Домостроя»: *«Ино достоит мужу жена своя наказывати, а пользовати со страхом наедине и, понаказав, и рассужати, а мужу на жену не гневаться, а жене на мужа, всегда жить в любви и чистосердции ... И слуги ... наказав, пожалоти, а государыне за слуг печаловаться, по рассуждению, ино служкам надежно»*. (процитировано по изд.: Домострой/ Сост. В.В. Колосов. — М., 1991, стр. 65).

Вероятно, Иван был чрезвычайно привязан к своей жене Анастасии. Первые два года у них не было детей, так что чета проводила много времени на богомолье, следуя русской традиции искать божественного вмешательства. Так поступала в свое время великая княгиня Софья, долго ожидавшая рождения сына, и великая княгиня Елена Глинская, также долго не рожавшая после своего замужества за Василием III⁴². Затем у Ивана и Анастасии родились две дочери, прожившие совсем недолго, Анна (1549 – 1550) и Мария (1551 – 1554), а в 1552 году появился наследник Дмитрий.

О взаимоотношениях Сильвестра и Анастасии нам ничего не известно, хотя существует любопытная гипотеза о том, что они испытывали друг к другу неприязнь, видимо, возникшую на почве того, что священник вмешивался в супружескую жизнь царской четы. Во втором письме к Курбскому Иван обвинял Сильвестра в сравнении Анастасии с императрицей Евдокией (395 – 400), женой императора Аркадия. Евдокия проявляла крайнюю враждебность по отношению к св. Иоанну Златоусту, преследовавшему ее со своей кафедры яростными нападками как новую Иезавель и Саломею⁴³. Уподобляла ли Анастасия Сильвестра красноречивому архиепископу Константинопольскому и беспокоило ли ее влияние последнего на ее мужа?

Не исключено — хотя на этот счет у нас нет никаких доказательств, — что Сильвестр мог оказывать воздействие также и на политические воззрения царя. Нравственный авторитет священника был столь высок, что Иван, опять-таки по его собственному позднему свидетельству, возвел его в ранг своего любимца (что бы это ни означало в России шестнадцатого века), хотя у него не было официального государственного чина или статуса. По мнению А.А. Зимина, Сильвестр представлял интересы тех бояр, которые, несмотря на их принадлежность к боярству, склонялись к принятию определенных реформ для укрепления центральной власти. Сильвестр был неподкупен, и около 1560 года, после того как его влияние прекратилось, он просто удалился в монастырь.

Почти всегда Сильвестр упоминается вкупе со своим альтер эго, Алексеем Федоровичем Адашевым, причем чаще всего о деятельности этой пары говорят как о «правлении Сильвестра и Адашева», подразумевая участие их сторонников, друзей и прочих. Иван утверждает, что с Адашевым, который был на пару лет старше его, он был знаком

еще подростком, что позволяет предположить, что тот входил в число юношей, введенных во дворец, чтобы составить компанию юному великому князю. Молодого царя могло привлекать в нем также его знание Османской империи.

Предложенная Карамзиным драматическая версия развития событий, основанная на рассказах самого царя и князя А.М. Курбского, породила длинную и запутанную историографическую традицию истолкования одного из самых противоречивых эпизодов истории Ивана IV. Карамзин, как и большинство позднейших русских историков, полагал, что около 1549 года управление страной было передано Иваном в руки священника Сильвестра и молодого Адашева, представлявших «священный союз» избранных, опытных и достойных людей, в который, между прочим, входили митрополит Макарий и князь Д. Курлятев. Словосочетание «Избранная рада» впервые встречается в «Истории Ивана IV»⁴⁴ князя А.М. Курбского, написанной, вероятно, в конце 70-х годов XVI века. О ней не упоминается в двух первых письмах Курбского Ивану, но существование такого органа может быть засвидетельствовано на основании первого письма Ивана к Курбскому.

Представление о наличии особой партии, возглавляемой Сильвестром и Адашевым, приобрело огромный вес и значение в «Истории России с древнейших времен» Соловьева. Не вдаваясь в подробности, Соловьев констатирует, что Сильвестр и Адашев управляли Россией, находясь во главе «обширной клики», многочисленной и могущественной партии; иногда Сильвестр упоминается отдельно от Адашева, но вместе с множеством не называемых по именам советчиков, последователей, приверженцев. Эта всемогущая партия описывается, в частности, как *«тесный круг людей, во главе которого стоит Сильвестр, кружок, управляющий всем; действуя осторожно и медленно, эти люди могли утаивать от царя свою истинную цель, а именно: вместе с влиятельными боярами разрушить все, чего достигли его предшественники»*⁴⁵.

В.И. Сергеевич, один из крупнейших русских историков права, еще более развил идею о существовании и государственном значении и полномочиях Избранной рады. По его мнению, Избранная рада превратила прежнюю Думу как совет из совещательного органа с переменным составом, определявшимся царем, в постоянное исполнительное представительное учреждение, решения которого были обязательными для царя, только возглавлявшего этот орган. Далее историк перечисляет

имена людей, которые, как он считает, были назначенными депутатами Избранной рады, не приводя на этот счет никаких доказательств⁴⁶.

Справедливо, что в начале правления Ивана единственное учреждение, отвечающее за выработку политических решений, Боярская дума, стало чересчур громоздким: после бунтов 1547 года в него входили тридцать два человека, в том числе десять, назначенных после февраля 1549 года (не говоря о многочисленных окольничих, дополнительно избранных в эти годы)⁴⁷. Попытки обновить состав совета, вливая в него новую кровь, не могли быть особенно глубокими, учитывая наличие системы местничества, защищавшей права ближайшей по положению боярской семьи на занятие должности в случае ее появления⁴⁸. Более того, брак Ивана не пользовался одобрением в части княжеской знати. До первой женитьбы Василия III русские великие князья всегда заключали браки в рамках русских княжеских родов или чужеземных династий, таких, как литовская и молдавская. Новая система выбора жены на смотринах невест давала царю возможность избирать, руководствуясь своим вкусом, а не статусом претенденток. Так поступил Иван, и это, по-видимому, породило определенные проблемы. Ведь его женитьба привела к назначению нескольких родственников царицы в боярскую Думу.

Последняя стала слишком большой, чтобы эффективно заниматься управлением и выработкой рекомендаций, поэтому историки предположили, что Избранный совет был другим обозначением небольшой группы из десяти-двенадцати человек, так называемой *Ближней думы*, которая может рассматриваться как более тесный круг, образованный из членов Думы и состоящий во многом из тех же людей⁴⁹.

Как констатирует ведущий исследователь этого периода А.А. Зимин, большинство из них были приверженцами Алексея Адашева. Но в промежутке между 1547 и 1553 годами Адашев был простым телохранителем (рындой) или в лучшем случае придворным при спальне (постельничим или спальником), в то время как среди его так называемых «приверженцев» находились родовитые и влиятельные бояре, например, князья и потомки Гедимины, князь Иван Дмитриевич Бельский (сын пережившего других князя Дмитрия Бельского), женатый на племяннице Ивана III, княгине Анне Рязанской, и князь И.Ф. Мстиславский, в 1547 году рында, но в 1549 году уже боярин, занимавший в 50-е годы важные военные должности. Он также был одним из немногих выживших в основном благодаря своему близкому родству с царем (его

мать была племянницей Василия III). Назовем также бояр И.В. Шереметева-старшего, М.Я. Морозова, Д.Р. Захарьина-Юрьева, племянника царицы, и В.М. Захарьина-Юрьева, ее двоюродного брата.

Невозможно себе представить, чтобы в обществе, глубоко проникнутом клановым и кастовым сознанием, вельможи и потомки Гедимины могли воспринимать как себе равных, а тем более как вышестоящих простого молодого человека, чей отец даже не был боярином, и священника. Кроме того, хотя политический авторитет митрополита был общепризнанным и Иван иногда давал ему соответствующие поручения, идея священнического правления была чуждой русскому православию, о чем свидетельствует пространная диатриба Ивана в его первом письме к Курбскому, осуждающая духовную власть Сильвестра, которого он уподобляет жрецу Илии из Ветхого Завета. Илия, достойный и праведный человек, взял на себя миссию правителя, и в результате Израиль был покорен, а ковчег Господнего Завета оказался в плену вплоть до возвышения царя Давида. *«Видиши ли, — восклицает Иван, — яко священство и рядничество неприлично царским властем?»* Даже Моисею Бог не дозволил быть одновременно царем и священником и заставил его передать жреческие функции Аарону⁵⁰.

У Ивана накопилось множество претензий к Сильвестру и Адашеву, но нас сейчас занимает вопрос о том, кто же входил в Избранную раду, кем были ее члены, если она действительно существовала? В одном месте Иван называет членом Рады А.М. Курбского, но из биографии последнего следует, что, как высший военачальник, он постоянно пребывал вне Москвы и не мог участвовать в заседаниях Думы. Проблема в том, что при всех упоминаниях Избранной рады в источниках или в трудах более поздних историков говорится, что в нее входили Адашев, Сильвестр и их соратники, их приверженцы, их последователи, люди, бывшие их единомышленниками, их клика. Только один из посторонних членов был назван по имени — боярин князь Д.И. Курлятев-Оболенский, который добился выдающихся успехов на военном поприще и позднее был указан Иваном как человек, призванный Сильвестром и Адашевым, чтобы помочь им в захвате власти. (Непонятно, каким образом такие выскочки могли раздавать боярские чины?..)

Источники по этому вопросу, разумеется, крайне скудны и пристрастны. Напомним, что единственным, употребившим выражение «Избранная рада» является князь Курбский, сам Иван никогда это оп-

ределение не использует. Так существовал ли подобный орган? Быть может, Курбский просто имеет в виду группу влиятельных лиц, располагавших нравственным авторитетом, которые поддерживали и поощряли Ивана в тот период, когда царь был заинтересован в проведении разного рода позитивных политических мероприятий? Отдельные историки высказывали на этот счет различные точки зрения: одни говорили о совете ограниченного состава, стоявшем над Боярской думой, другие — о приватном совете царя — *Ближней гуме*. Авторы девятнадцатого века воспользовались словосочетанием «Избранная рада», чтобы назвать им орган, якобы существовавший и правивший страной в промежутке между 1549 и 1560 годами. Однако сама идея о наличии такого органа проникнута противоречиями, часть из которых недавно была отмечена русскими историками и которые подверглись сокрушительной критике со стороны А.Н. Гробовского в 1969 году⁵¹. Становится все более и более ясным, что такого самостоятельного политического учреждения не существовало.

С чисто практической точки зрения царь нуждался в рекомендациях, информации и сведениях, поступавших от его советников, а также в знающих служащих и военачальниках для исполнения его решений или решений, утвержденных Думой. Но использование советников не означает, что они входили в официальный орган и что власть царя изначально оказывалась ограниченной, поскольку последнее слово все равно оставалось за ним. Более того, все свидетельства о существовании Избранной рады принадлежат самому Ивану или Курбскому и относятся к периоду, когда царь уже проявлял признаки мании преследования, впоследствии овладевшей им и заставившей видеть во всех своих прежних союзниках врагов.

Почему в таком случае русские историки потратили столь много усилий, чтобы изобразить Избранную раду действенным учреждением нового типа? Причиной этого может быть комплекс «исторической неполноценности», согласно которому Россия отставала в области развития политических (и социальных) институтов, призванных выражать и представлять интересы и нужды народа. Некоторые из историков утверждали даже, что Иван осуществил определенную «демократизацию» управления Россией, — для шестнадцатого века это выражение является полным анахронизмом и, несомненно, относится к тому, что в современной Англии столь же неточно называют популизмом.